

Федор Буслаев

Римская вилла кн. З. А. Волконской

Федор Буслаев

Римская вилла кн. З. А. Волконской

«Public Domain»

1896

Буслаев Ф. И.

Римская вилла кн. З. А. Волконской / Ф. И. Буслаев — «Public Domain», 1896

ISBN 978-5-04-011542-6

«Переношусь с своими воспоминаниями в Рим, чтобы в подробности познакомить вас с римскою виллою княгини Зинаиды Александровны Волконской. Мне давно хотелось заняться этим предметом, но за недосугом я не мог тогда же исполнить своего намерения. В виду современного разрушения старых построек „вечного города“ и сооружения новых, можно опасаться за судьбу и виллы княгини Волконской. С весны 1875 года я уже не посещал Рима и не знаю, существует ли еще эта прекрасная вилла и не стерли ли ее с лица земли нынешние неугомонные перестройщики и вместе с тем разрушители „вечного города“. Если ее уже нет совсем, или она попорчена до неузнаваемости, то мое описание получит цену исторического свидетельства о небольшом клочке римской почвы, который внес наш национальный элемент в историю „вечного города“...»

ISBN 978-5-04-011542-6

© Буслаев Ф. И., 1896

© Public Domain, 1896

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Федор Буслаев

Римская вилла кн. З. А. Волконской

Переношусь с своими воспоминаниями в Рим, чтобы в подробности познакомить вас с римскою виллою княгини Зинаиды Александровны Волконской. Мне давно хотелось заняться этим предметом, но за недосугом я не мог тогда же исполнить своего намерения. В виду современного разрушения старых построек «вечного города» и сооружения новых, можно опасаться за судьбу и виллы княгини Волконской. С весны 1875 года я уже не посещал Рима и не знаю, существует ли еще эта прекрасная вилла и не стерли ли ее с лица земли нынешние неугомонные перестройщики и вместе с тем разрушители «вечного города». Если ее уже нет совсем, или она попорчена до неузнаваемости, то мое описание получит цену исторического свидетельства о небольшом клочке римской почвы, который внес наш национальный элемент в историю «вечного города».

Увлекаясь разнообразием множества крупных интересов, путешественники, посещающие Рим, вовсе не обращали внимания на виллу княгини Волконской. Даже пресловутый указатель Бедекера говорит об этой вилле в немногих словах и в неточных выражениях, которые занесены в указатель, по-видимому, с тою только целью, чтобы путешественник не терял времени на посещение этой виллы. Вот и вся заметка:

«Вилла княгини Волконской. — Налево от здания, прилегающего к Святой Лестнице (Scala Santa) за тремя аркадами водопровода, подходим к вилле кн. Волконской. Посреди прекрасного сада виллы протекает по водопроводу так называемая Вода Клавдиева (Aqua Claudiana); там же находятся различные фрагменты античных памятников архитектуры. Сверх того, здесь же открыт колумбарий или усыпальница времен первых римских императоров. С плоской крыши небольшого казино открывается, особенно при закате солнца, прелестный вид на равнину Кампании и на горы».

Полнейшая недостаточность этой заметки о вилле княгини Волконской заключается в словах: «Там же находятся различные фрагменты античных памятников архитектуры». Повсюду в Риме так много всевозможных античных фрагментов, что об этом голословно не стоит и упоминать, и никто из путешественников, прочитав эти строки, не догадается, что главная суть дела состоит не в архитектурных обломках, а в тех надписях по-русски и по-французски, которые сама княгиня Волконская начертила на этих антиках в память своих русских друзей и некоторых иностранных знаменитостей, которым была обязана лучшими часами своей жизни.

Что же касается до заметки Бедекера о прекрасном ландшафте, то она относится к внешнему виду на расстилающуюся далеко за высокими городскими стенами Кампанию вплоть до Сабинских гор. Но подобными же ландшафтами можно любоваться и со многих других пунктов «вечного города», например, с Латеранской площади, находящейся в соседстве с виллою княгини Волконской, с Авентинского холма, с высот Яникула, даже, на римском форуме, с вершины трех абсид, уцелевших от Константиновой базилики.

Неудивительно, что русские и иноземные путешественники между множеством разнообразных, ошеломляющих на каждом шагу, всемирных достопримечательностей забывают о какой-то маленькой скромной вилле, имеющей интерес только по симпатичной личности русской княгини, которая ее соорудила и изукрасила.

I

Именно с характеристики этой личности я начну мой рассказ, пользуясь отчасти книгою г. Мордовцева: «Русские женщины нового времени. С.-Петербург, 1874» и произведениями самой княгини Волконской на русском языке, изданными за границей под названием: «Сочинения княгини Зинаиды Александровны Волконской. Париж и Карлсруэ. 1865».

Княгиня Волконская была дочь обер-шенка князя Александра Михайловича Белосельского, по матери родного племянника графов Чернышевых; мать ее из рода Татищевых.

Княжна Белосельская рано лишилась матери, которая умерла в 1792 г. в Турине, где жила с мужем, занимавшим место русского посланника. Оставшись на попечении отца, малолетняя княжна всем своим дальнейшим развитием обязана личным его заботам.

Она вышла потом замуж за князя Никиту Григорьевича Волконского.

Возвратившись из-за границы в Россию, она поселилась в Москве, где и жила в богатом доме брата своего у Тверских ворот, в доме, который она сумела обратить в настоящую академию наук и искусств. Впоследствии это здание принадлежало богатому негодянту Малькиелю; потом оно служило помещением для театральной школы, основанной актером Федотовым при содействии князя Голицына, графа Салиаса и графа Соллогуба, приходившегося племянником автору «Тарантаса».

Все, что было лучшего в русской литературе, с особым почтением окружало высоко-талантливую княгиню Волконскую.

Пушкин, под влиянием обаяния этой женщины на всех окружавших, пишет ей свое знаменитое послание при посвящении поэмы «Цыганы»:

Среди рассеянной Москвы
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы,
Ты любишь игры Аполлона.
Царица Муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком.
И вьется, и пылает гений...
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани:
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

(1827 г.)

Вот куплеты, сочиненные на день рождения княгини Зинаиды Волконской, в понедельник 3-го декабря 1828 года, в Москве, кн. П. А. Вяземским, Е. А. Баратынским, С. П. Шевыревым, Н. Ф. Павловым и И. В. Киреевским:

Друзья! теперь виденья в моде.
И я скажу про чудеса:
Не раз явленьями в природе
Нам улыбались небеса.

Они нам улыбнулись мило,
Небесным гостем подаря:
Когда же чудо это было?
То было третье декабря!
Вокруг эфирной колыбели,
Где гость таинственный лежал,
Невидимые хоры пели,
Незримый дым благоухал.
Зимой весеннее светило
Взошло, безоблачно горя.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря!
Оно взошло, и звезды пали
С небес высоких – и светло
Венцом магическим венчали
Младенца милое чело.
И их сияньем озарило
Судьбу молодого бытия.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря!
Одна ей пламя голубое
В очах пленительных зажгла
И вдохновение живое
Ей в душу звучную влила.
В очах зажглось любви светило,
В душе – поэзии заря.
Когда же чудо это было?
То было третье декабря!
Звездой полуденной и знойной,
Слетевшей с Тассовых небес,
Даны ей звуки песни стройной –
Дар гармонических чудес.
Явление это не входило
В неверный план календаря,
Но знаем мы, что это было –
Оно – на третье декабря.
Земли небесный поселенец,
Росла пленительно она,
И что пророчил в ней младенец,
Свершила дивная жена.
Недаром гениев кадило
Встречало утро бытия:
И утром чудным утро было
Сегодня третье декабря.
Мы, написавши эти строфы,
Еще два слова скажем вам,
Что если наши философы
Не будут верить чудесам,
То мы еще храним под спудом

Им доказательство, друзья:
Она нас подарила чудом –
Сегодня, в третье декабря.
Такая власть в ее владенье,
Какая Богу не дана:
Нам сотворила воскресенье
Из понедельника она,
И в праздник будни обратила,
Весельем круг наш озаря:
Да будет вечно так, как было,
Днем чуда – третье декабря!

Живший тогда в Москве Мицкевич находил себе восторженное сочувствие в княгине Волконской, а молодой Веневитинов привязан был к ней всеми силами души. С. П. Шевырев был у нее домашним человеком. Словом, княгиня Волконская была в 20-х годах центром московской умственной жизни. Увлекаемая любовью к изящным искусствам, княгиня отправилась на их благословенную родину – в прекрасную Италию, и с 1829 года навсегда поселилась в Риме, где и скончалась в 1862 году.

Поселясь в самом центре католического исповедания и увлекаясь великолепием и изяществом церковной обстановки, как в художественном убранстве храмов, в течение многих веков воспроизведенном великими итальянскими мастерами архитектуры, живописи и ваяния, так и в блистательных церемониях священнослужения, совершаемого самим владыкою всего католического мира и его многочисленной свитой кардиналов, архиепископов и так называемых генералов всех орденов католического монашества, княгиня Зинаида Александровна по врожденной ей восторженности ко всему прекрасному увлеклась изящными идеями католичества и приняла самое исповедание.

Но, может быть, еще и прежде, проживая на родине, она могла подчиняться наитию и влияниям католических идей.

Еще со времен Петра Великого, в течение всего XVIII века, русское православие, особенно в высших слоях общества, значительно подпало под иноверческие влияния пришедших и водворившихся в России иноземцев. У нас возникли тогда секты иллюминатов, масонов и разных других. На подготовленную таким образом зыбкую почву религиозного блуждания французские эмигранты, спасаясь от гильотины, в конце прошлого столетия принесли к нам с собою изящество французских нравов и католическую пропаганду с подкладкою иезуитской морали. Эти французские выходцы, кавалеры и дамы высшего сословия, бежали в Россию, дочиста ограбленные во время революции, и должны были снискивать себе у нас пропитание в качестве домашних секретарей, гувернеров и гувернанток. В пятидесятых и даже шестидесятых годах мне приводилось еще встречать вельможных старичков и старушек, воспитанных французскими эмигрантами и эмигрантками.

История католической у нас пропаганды подходит близко даже к нашему времени. В тридцатых годах жил в Москве известный Чаадаев, прозванный «католическим аббатом»; в 1834 году в Московский университет поступил профессор греческого языка только что возвратившийся из-за границы очень молодой человек по фамилии Печорин (имени и отчества его теперь не могу припомнить). Он пробыл у нас не больше полугода и удалился за границу, где принял католичество и постригся в монахи. В 1874 году в Париже я познакомился с двумя русскими, постригшимися в монахи Иезуитского ордена; это были Мартынов и князь Гагарин, проживавшие тогда в так называемой «иезуитской резиденции», находившейся на Rue du Bac, близ многоэтажного магазина «Au petit St. Thomas».

Католическое увлечение княгини Волконской кажется мне еще извинительным: она по складу своей поэтической натуры пленилась не сущностью католического учения, а его красивой и заманчивой обстановкой.

Когда княгиня покинула навсегда родину и водворилась в Риме, ее друзья из поэтов того времени громко приветствовали ее.

Павлов:

Как соловей на зимние квартиры
Под небо лучшее летит,
Так и она в отчизну сладкой лиры
Воскреснуть силами спешит.
И далеко от родины туманной
Ее веселье обоймет;
Как прежний гость, как гость, давно желанный,
Она на юге запоем.
Там ей и быть, где солнца луч теплее,
Где так роскошны небеса,
Где человек с искусствами дружнее
И где так звучны голоса.
Но здесь и там тропею незабвенной
Она прорезала свой путь:
Где ни была, восторг непринужденный
Одушевлять поэта грудь;
Где ни была волшебница искусства,
Спешили дань ей принести,
И на земле без горестного чувства
Никто ей не сказал: прости!
Ее хранит в странах различных света
И память сердца и ума.
Ах! для чего в Италии все – лето,
И для чего у нас – зима!

Москва. Январь 1829 г.

Баратынский:

Из царства виста и зимы,
Где под управой их двоякой
И атмосферу, и умы
Сжимает холод одинакой,
Где жизнь какой-то тяжкий сон,
Она спешит на юг прекрасный
Под Авзонийский небосклон,
Одушевленный, сладострастный,
Где в кушах, портиках палат
Октавы Тассовы звучат;
Где в древних камнях боги живы,
Где в новой, чистой красоте
Рафаэль дышит на холсте;

Где все холмы красноречивы,
Но где не стыдно, может быть,
Герои, мира властелины,
Ваш Капитолий позабыть
Для Капитолия Корины,
Где жизнь игрива и легка...
Там лучше ей: чего же боле?
Зачем же тяжести тоска
Стесняет сердце поневоле?
Когда любимая краса
Последним сном смыкает вежды,
Мы полны ласковой надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучший мир ей уготован,
Что славой вечною светло
Там заблестит ее чело;
Но скорбный дух не уврачеван:
В груди стесненной тяжело,
И неутешно мы рыдаем.
Так сердца нашего кумир –
Ее печально провожаем
Мы в лучший край и в лучший мир.

Шевырев:

К Риму древнему взывает
Златоглавая Москва
И любовью окрыляет
Хладом сжатые слова.
Древней славой град шумящий!
Приими привег Москвы,
Юной славою гремящий
В золотых устах молвы.
Я в покров твой благосклонный
Доверяю, царь градов,
Лучший перл моей короны,
Лучший цвет моих садов.
Я не с завистью ревнивой
Цвет тебе передала.
Нет! С тоской чадолюбивой
От себя оторвала.
Нежно я его растила
С бескорыстием любви,
На него я расточила
Все сокровища свои.
Но не может, ненаглядный,
Он на севере блеснуть:
Руки матери так холодны,
Льдом моя одета грудь.

Что же делать мне, несчастной?
На чужбину цвет отдать,
Коль не может он, прекрасный,
У меня благоухать.
У тебя светило наше
Льет роскошней теплый свет,
У тебя и небо краше –
Так возьми ж к себе мой цвет
И согрей с любовью нежной
У пылающей груди,
На могилах славы прежней
В нем цветущее блюди.
Только б он, в лавровых сенях
У тебя красой цветя,
О моих любовных пенях
Помнил, милое дитя.
Сам любуйся на создание
Наших северных степей,
Но его благоуханье
В сень родную перелей.

Ко всему этому присовокуплю два стихотворения, в которых воспевают княгиню Козлов, не касаясь, впрочем, ее удаления из отечества:

1

Я – арфа тревоги, ты – арфа любви
И радости мирной, небесной;
Звучу я напевом мятежной тоски, –
Мил сердцу твой голос чудесный.
Я здесь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страстей сокрушенный;
А ты горишь в небе прекрасной звездой,
Как ангел эфирный, нетленный!

2

Мне говорят: «Она поет, –
И радость тихо в душу льется,
Раздумье томное найдет,
В мечтаньи сладком сердце бьется,
И тихо, мило на земли,
Когда поет она – милее,
И пламенней огонь любви,
И все прекрасное святее!»
А я, я слез не проливал,

Волшебным голосом плененный;
Я только помню, что видал
Певицы образ несравненный.
И помню я, каким огнем
Сияли очи голубые,
Как на челе ее младом
Вилися кудри золотые!
И помню звук ее речей,
Как помнят чувство дорогое;
Он слышится в душе моей, –
В нем было что-то неземное.
Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучит о Пери молодой
Долины светлой Кашемира.
Звезда любви над ней горит, –
И – стан обхвачен пеленою –
Она эфирная летит,
Чуть озаренная луною.
Из лилий с розами венки
Небрежно волосы венчает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.